

О. Р. Лычковская

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Института социальных наук Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова, к. 40, Французский бул., 24/26, г. Одесса-58,
65058, Украина, тел. 38(0482)68-60-92, lychkovska@mail.ru

**МЕСТО И РОЛЬ “ФОНОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК” В ТЕОРИИ
СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА**

Статья посвящена исследованию места и роли социальных практик, рутин, практического сознания и практической осведомленности индивидов в сохранении и поддержании стабильности и равновесия как повседневной, так и социальной реальности с точки зрения теории структуриации Э. Гидденса. Проанализирована также его концепция “базисной онтологической безопасности” как основополагающего процесса, способствующего сохранению личностной и социальной целостности.

Ключевые слова: социальные практики, рутины, практическое сознание, рефлексивный мониторинг действия, онтологическая безопасность.

Структуриационная концепция Э. Гидденса представляет собой, безусловно, одну из наиболее известных и удачных попыток интеграции феноменов действия и структуры как методологического синтеза макро- и микросоциологического анализа социума. В то же время в научном социологическом дискурсе не в полной мере осмыслена значимость подобного подхода в контексте **прагматического поворота в социологии**, означающего пристальное внимание не только к сфере повседневности, но, прежде всего, к **повседневному миру человека в его практическом измерении**, в котором существует особая “**прагматика**”, то есть логика использования, реализации, употребления, функционирования как вещей, так и идеальных объектов — слов, идей, правил, норм, способов наименования и классификации. В таком ракурсе внимание к **концептам “социальной практики”, “рутины”, “практического сознания” и “практической осведомленности”** как привычно повторяющимся, часто не осознаваемым, **фоновым механизмам и процессам**, выступающим связующим звеном между объективированными “правилами” структуры и неосознанно мотивированными индивидуальными действиями, позволяет подчеркнуть значимость процессов **практического освоения и осмысления реальности** для поддержания не только каждодневных социальных взаимодействий на микроуровне, но и для складывания социальных институтов и формирования интеграции социальной системы.

Термин “**структуриация**” был введен в социологическую теорию самим Э. Гидденсом для обозначения “результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью конкретного индивида” [1, с. 38]. Данный термин был призван отразить дуальный характер структуры, существующей между наличием **правил и ресурсов**, с одной

стороны, и индивидуальными действиями акторов, с другой. Структура присутствует в сознании каждого конкретного актора “как памятные следы, органическая основа человеческой осведомленности и проявляет себя в действии” [1, с. 501].

Именно в этой связи Э. Гидденс обращается к понятию **фоновых социальных практик**. Он полагает, что именно социальные практики, разворачивающиеся в пространстве и времени, можно считать источником и основой образования как субъекта, так и социального объекта. “Согласно нашей теории, — утверждает Э. Гидденс, — предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики” [1, с. 40]. Последние понимаются как **общепринятые практики**, или **рутины**, т. е. совершаемые привычным образом в ходе повседневной **социальной деятельности**. Рутинизирующий характер повседневности, по мысли Э. Гидденса, выражается в повторяющемся характере действий, воспроизводимых в одинаковой манере день за днем, и составляет, по терминологии британского исследователя, **“рекурсивный, или возвратный, характер социальной жизни”** [1, с. 18]. Рекурсивность работает таким образом, что структуральные свойства социальной деятельности постоянно восстанавливаются, благодаря двойственности структуры, из тех же ресурсных источников, которые породили их. В процессе и через собственную деятельность социальные акторы воспроизводят условия, благодаря которым эта деятельность возможна. В таком контексте социальные практики **циклически** подобно самовоспроизводящимся природным системам. Сходные идеи присутствуют, скажем, в системной теории Н. Лумана, также обратившего внимание на рекурсивный характер коммуникативных событий, определяющих **самореферентность** общества как системы [2, с. 76].

В циклическом упорядочении социальных практик участвует специфическая **рефлексивная форма познания**, названная Э. Гидденсом **“практическое сознание”**. Оно складывается из “неявно выраженных представлений акторов о том, как следует “вести себя” в различных условиях социального окружения, которые не поддаются прямой логической операционализации” [1, с. 18]. Эти знания, как и **“запас знаний”** А. Шюца [3] или, скажем, **“фоновые ожидания”** Г. Гарфинкеля [4], носят прикладной и ситуативный характер: “они неотъемлемо присущи способности “справляться” с рутинной социальной жизнью и вести себя в соответствии с определенными общепринятыми практиками” [1, с. 43]. Таким образом, можно говорить о существовании специфической **информированности или компетентности** на уровне практического сознания. **“Практическая осведомленность”** не тождественна **“обоснованной осведомленности”**, так же как не равна она и **вере** как системе более или менее укорененных убеждений. По мнению Э. Гидденса, “практическое сознание предполагает знание и понимание правил и тактики, посредством которых повседневная социальная жизнь создается и воссоздается во времени и пространстве” [1, с. 149]. При этом присутствует некоторая **“практическая валидность”** подобных знаний, пределы которой определяются тем, насколько социальные акторы способны

согласовывать собственную деятельность с другими таким образом, чтобы достигать целей, преследуемых их поведением [1, с. 150].

Практическое сознание функционирует в континууме между разумом, или **“дискурсивным сознанием”** в терминологии Э. Гидденса, совершаемым путем логических умозаключений, и **бессознательным**. Автор полагает, что между дискурсивным и практическим сознанием не существует непреодолимых преград, скорее речь идет о возможных несовпадениях “между тем, что может быть сказано, и тем, что обычно делается” [1, с. 46]. В то же время Э. Гидденс замечает, что между дискурсивным сознанием и бессознательным существуют барьеры, которые относятся к области вытеснения отрефлексированного в область подсознательного. Так, повседневная жизнь представляет, по большей части, поток преднамеренной деятельности, однако действия могут иметь непреднамеренные последствия, так же, как и последствия могут превращаться в неосознанные условия дальнейших поступков.

Итак, социальные практики регулируются континуумом: **“дискурсивное — практическое, или рекурсивное — подсознательное”**. При этом возникает специфическая рефлексивная форма познания, которую Э. Гидденс предлагает понимать не просто как самосознание, “но как наблюдаемое свойство и характерную особенность движущегося потока социальной жизни” [1, с. 40]. “Быть человеком, — продолжает свою мысль Э. Гидденс, — значит являться целеустремленным деятелем, который одновременно осознает причины собственной деятельности и способен в случае необходимости детально развить и конкретизировать их” [1, с. 41]. Таким образом, внутри **рефлексивной деятельности социального актора** он выделяет **рефлексивный мониторинг, рационализацию и мотивацию деятельности**. **Рефлексивный мониторинг** является, с точки зрения Э. Гидденса, “рутинной функцией повседневной жизни и предполагает контроль не только собственного поведения, но и действий окружающих, в том числе и физического окружения” [1, с. 43]. **Рационализация** понимается Э. Гидденсом достаточно традиционно — как представление о своих мотивах, или же нахождение и объяснение причин своих поступков. **Мотивацию** же Гидденс связывает с “потенциально возможными” причинами деятельности. Они, по утверждению Э. Гидденса, “имеют прямое отношение к действию только в относительно необычных или нестандартных условиях, в ситуациях, которые некоторым образом нарушают привычный (рутинный) ход событий, представляют собой всеобъемлющие планы или программы, в рамках которых разыгрываются конкретные поведенческие сценарии” [1, с. 45]. В этой связи он также замечает, что деятели обычно способны дать обоснованный отчет о целях и причинах своего поведения, но не могут описать его мотивы. Таким образом, видно, что по мысли Э. Гидденса, мотивы связаны, в первую очередь, с непознанными обстоятельствами и нетрадиционными условиями совершения поступка.

Следующим важнейшим концептом Э. Гидденса, связанным с рутинным разворачиванием социальных фоновых практик, является **потребность в “онтологической безопасности”**. “Действуя преимущественно на уровне

практического сознания, — пишет Э. Гидденс, — рутинная вклинивается между потенциально взрывоопасным содержимым бессознательного и рефлексивным контролем деятельности, осуществляемым ее субъектами” [1, с. 19]. Второстепенные, с виду кажущиеся несущественными правила повседневного поведения, условности и традиции, собственно говоря, все то, из чего складываются рутинные социальные практики и чем они регулируются, становятся, по мысли Э. Гидденса, “фундаментальным каркасом социальной жизни” [1, с. 19]. Рутинные, кроме всего прочего, обеспечивают целостность личности социального актора в процессе его повседневной деятельности.

Исследование рутинизации, полагает Э. Гидденс, дает нам ключ к объяснению типовых форм взаимоотношений, “существующих между **базисной системой безопасности**, с одной стороны, и **рефлексивно создаваемыми процессами**, свойственными эпизодическому характеру социальных взаимодействий, с другой” [1, с. 111]. Для того чтобы понять, что представляет собой “**базисная система безопасности**”, или же “**онтологическая безопасность**”, Э. Гидденс вводит термин “**критические ситуации**”, которые, впрочем, достаточно сходны с “**экзистенциальными ситуациями**”, рассматриваемыми в парадигме философского или же психологического экзистенциализма. Итак, под “**критическими ситуациями**” он понимает “непредсказуемые обстоятельства радикального разобщения (нарушения) целостности, воздействующие на значительное количество индивидов; ситуации, угрожающие или разрушающие веру в устойчивость институционализированных образцов социального поведения” [1, с. 112]. При этом Э. Гидденс обращает внимание, прежде всего, на те психологические последствия, которые оказывают подобные ситуации, взрывая или же разрушая рутинное течение социальной жизни. Для характеристики подобных ситуаций британский исследователь описывает опыт заключенных концентрационных лагерей. “Узники жили в условиях **радикальной онтологической “ненадежности”**: “ощущение бессмысленности работы, конечности самого существования, невозможность планировать собственную жизнь, обусловленная вероятностью внезапных изменений лагерной политики” [1, с. 114]. Ощущение автономности и контролируемости собственных действий, которое индивиды испытывали в процессе рутинной повседневной жизнедеятельности в условиях традиционного социального окружения, также практически исчезало. Вследствие всего этого происходит усиление степени тревожности, “размывание” верхнего слоя социализированных реакций, обусловленных стабильным и гарантированным контролем над собственными действиями и предсказуемой структурой социальной жизни, а также возникновение регрессивных и агрессивных образцов поведения, разрушающих фундамент базисной системы безопасности и доверия к другим и окружающей действительности [1, с. 115].

Способами преодоления критических ситуаций и механизмами сохранения онтологической безопасности могут быть, по мысли Э. Гидденса, **ритуалы и социальные церемонии**, “**тактичные формы поведения**”, а также упорядоченная “**сериальность**” повседневных практик.

Ритуалы или социальные церемонии, такие, скажем, как крещение, инициация, посвящение в рыцари, чтение приговоров и многое другое, помогают социальным акторам преодолеть кризисные ситуации, связанные с изменением социального статуса, с которыми индивид сталкивается с момента появления на свет и вплоть до смерти [1, с. 111–112]. Ритуалы своей упорядоченностью и закрепленностью моделей поведения, серийной повторяемостью символических форм придают ощущение стабильности и устойчивости социальной жизни, даже в моменты ее критических изломов. Ритуал также меняет ритм и постепенность течения социального времени, которое становится более насыщенным. Индивиды же, включенные в ритуалы, начинают жить как бы единым ритмом, испытывая единые эмоции и сопричастность друг другу. И. Гофман, на которого неоднократно ссылается Э. Гидденс, в своей работе “Анализ фреймов” также обращал внимание на то, что ритуалы — это один из ключевых механизмов, с помощью которых повседневной жизни и социальному миру в целом придается упорядоченность и прочность [5]. Статус ритуала в обществе отражает легитимность его социальной структуры, поскольку ритуальное уважение к индивидам есть также знак уважения к ролям, которые они исполняют [6, с. 390].

В повседневной социальной жизни, полагает Э. Гидденс, акторы мотивированы также на поддержание **“тактичных форм поведения”**, которые детально проанализированы все тем же И. Гофманом [5]. “Тактичность, — пишет Э. Гидденс, — является тем механизмом, посредством которого деятели могут воспроизводить условия **“базисного доверия”** или онтологической безопасности — условия, способствующие осуществлению контроля и управления примитивными формами тревожности и напряженности” [1, с. 116]. Поддерживая и защищая условную обособленность взаимодействия, такт выходит на первый план в ситуациях, угрожающих ее целостности, например, в ограниченных и замкнутых социальных и физических пространствах. В качестве образцов таких пространств Э. Гидденс, ссылаясь на И. Гофмана, называет, скажем, кабину лифта, в которой практически невозможно занять позицию, исключающую слушание, что приводит к необходимости обмена короткими, несущественными репликами, не имеющими отношения к сути предыдущего общения, или же, скажем, если разговор между собеседниками прерывается телефонным вызовом одного из них, то беседа между ними также становится прерывистой и неуверенной.

“Сериальность”, или упорядоченная повторяемость повседневной социальной жизни также находит свое место в фоновых социальных практиках индивидов и способствует сохранению **“онтологической безопасности”**, создает ощущение **“базисного доверия”** к социальному и физическому окружению и способствует сохранению стабильности и устойчивости социальной жизни.

Сериальность обусловлена, прежде всего, **протяженностью в физическом и социальном времени**, а это, в свою очередь, связано с позицией тела в ситуациях социального взаимодействия или, как обозначает это Э. Гидденс, **“физического соприсутствия лицом к лицу”** [1, с. 116]. Социальные свойства

тва соприсутствия фиксируются в пространственном расположении тела, его ориентации по отношению к другим и переживаниях собственной идентичности. М. Мерло-Понти в своей феноменологии телесности обращал, в частности, внимание на то, что “контур моего тела — это некая граница, которую обыкновенные пространственные отношения не пересекают” [7, с. 137]. Это происходит потому, что тело и телодвижения обладают для воспринимающего индивида субъективной очевидностью и пространственно не отделяются от личности, как иные материальные объекты, что, в конечном счете, способствует сохранению личностной целостности. При этом, как замечает Э. Гидденс, “тело функционирует и воспринимается своим хозяином как тело только в контексте деятельности” [1, с. 118]. А деятельность тела, имеющая место в потоке действий, “немедленно включается в онтологическую безопасность или чувство “доверия” в отношении целостной непрерывности мира и собственной личности, подразумеваемой самой *протяженностью* повседневной жизни” [1, с. 118]. Таким образом, устойчивость и протяженность повседневной жизни связана для действующего индивида с ощущением своей телесной целостности, которое, в свою очередь, порождает чувство личностной целостности, или идентичности, и способствует сохранению ощущения “онтологической безопасности”.

Сериальность социальной жизни также обусловлена **моментами начала и конца событий и понятиями очередности и локальности**. Большинство социальных событий, по утверждению Э. Гидденса, использует те или иные виды формальных знаковых приемов, знаменующих их начало и окончание. Прежде всего, подобное характерно для ритуальных мероприятий, свойственных традиционным культурам, но встречается и во множестве современных социальных ситуаций. Большинство взаимодействий, образующих сериальность социальной жизни, локально, то есть “происходит либо вовне (в пространстве-времени), либо на заднем плане скоплений, базирующихся на социальных событиях” [1, с. 129]. В таком случае рефлексивный мониторинг тела используется для условной отграниченности взаимодействия, то есть нормативного отделения тех, кто участвует во взаимодействии, от тех, кто просто соприсутствует. Феномен локальности, будучи зачастую неосознаваемым, фоновым элементом социальных практик, может использоваться, тем не менее, социальными акторами для поддержания осмысленного коммуникативного процесса.

Подытоживая функциональные свойства сериальности, можем заметить, что повторяемость в пространстве и времени порождает **“фиксированный”, устойчивый характер повседневной жизни**, который, по утверждению Э. Гидденса, “переплетается с рутинной ежедневного существования и оказывает существенное влияние на структуру воспроизводства социальных институтов” [1, с. 22]. При этом Гидденс подчеркивает, что рутинизированные социальные практики сохраняют свою целостность даже в процессе глобальных социальных изменений, таких как, скажем, социальные революции и трансформации, что приводит к рекурсивному, самовоспроизводящемуся характеру социального равновесия и способствует постоянно возобновляющейся интеграции социальных систем общества.

Литература

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический Проект, 2003. — 528 с.
2. Луман Н. Общество как социальная система. — М., 2004. — 232 с.
3. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. — М., 2003. — 336 с.
4. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. — СПб., 2007. — 335 с.
5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М., 2003. — 752 с.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. — СПб., 2002. — 688 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999. — 606 с.

О. Р. Лычковська

кафедра соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, к. 40, Французький бул., 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

МІСЦЕ Й РОЛЬ “ФОНОВИХ СОЦІАЛЬНИХ ПРАКТИК” У ТЕОРІЇ СТРУКТУРАЦІЇ Е. ГІДДЕНСА

Резюме

Стаття присвячена дослідженню місця й ролі соціальних практик, рутин, практичної свідомості й практичної поінформованості індивідів у збереженні й підтримці стабільності й рівноваги як повсякденної, так і соціальної реальності з погляду теорії структуризації Е. Гідденса. Проаналізована також його концепція “базисної онтологічної безпеки” як основного процесу, що сприяє збереженню особистісної й соціальної цілісності.

Ключові слова: соціальні практики, рутини, практична свідомість, рефлексивний моніторинг дії, онтологічна безпека.

О. R. Lychkovskaya

Sociology Department of Social Sciences Institute of Odessa Mechnikov National University, r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058, Odessa-58, Ukraine

PLACE AND ROLE OF “BACKGROUND SOCIAL PRACTICES” IN A. GIDDENS’ STRUCTURATION THEORY

Summary

Article is devoted to research of a place and a role of social practices, routines, practical consciousness and practical knowledgeability of individuals in preservation and maintenance of stability and balance both every day, and a social reality from the point of view of A. Giddens’ structuration theory. His concept of “basic ontological security” as the basic process promoting preservation of personal and social integrity is analyzed also.

Key words: social practices, routines, practical consciousness, reflexive monitoring of action, ontological security.